

Поэзия и правда Юрия Магалифа

Ю. Магалиф. **Монолог:** стихи. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1980. – 128 с.

Ю. Магалиф. **До первых снегопадов:** стихи. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1985. – 96 с.

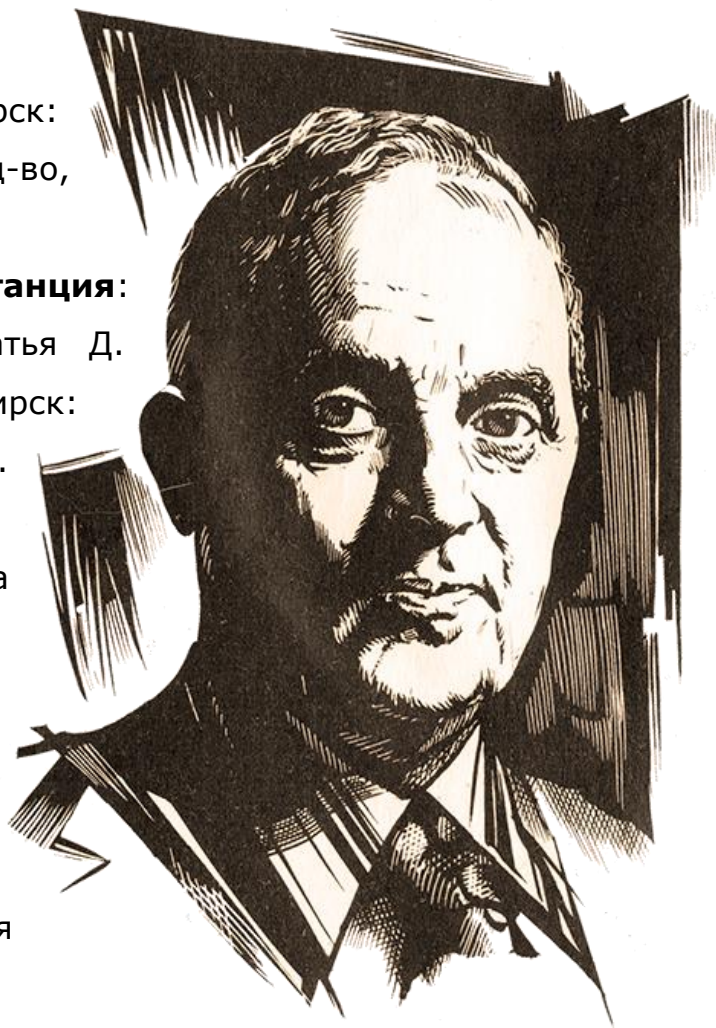
Ю. Магалиф. **Дальняя дистанция:** стихотворения, поэма / вступ. статья Д. Самойлова. – Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1988. – 256 с.

Ю. Магалиф. **Просто лирика:** книга стихотворений / оформление Р. Плитченко. – Новосибирск: Литературный фонд, 1996. – 96 с., ил. – (Лауреаты премии им. Гарина-Михайловского. Библиотека журнала для семейного чтения «Горница»)

Ю. Магалиф. **Зимний лес:** книга новых стихов. – Новосибирск: ИД «Горница», 1997.- 64 с., ил.

Ю. Магалиф. **Облако времени:** стихи. – Новосибирск: ИД «Сибирская горница», 1998. – 96 с., ил.

Ю. Магалиф. **Солнечные часы:** книга лирики. – Новосибирск: ИД «РИФ-плюс», 2000. – 126 с.)

Поэзия - быть может, главная ипостась творческой природы Юрия Магалифа. Громким поэтом он не был, но не потому, что недоставало ему масштаба, а, скорее, по типу личности. Добрый, гуманный, искренний, много переживший, но не озлобившийся, не вступивший на путь активной борьбы с режимом, скромный и верный в любви и дружестве, воспитанный петербургской культурой человек, он непредставим читающим громовые стихи на площадях. Его лирика скромна и задушевна, исполнена тонких переживаний, печальна и в то же время мужественна, пластична и дымчата, как пейзаж, выполненный акварелью, гармонична и мелодична, как тихая грустная песня, словом, в лучшем смысле непарадна.

По преимуществу зимняя, что естественно для сибиряка, лирика Магалифа чаще всего сюжетна. Сюжетом могут быть движения души, чередование зимних месяцев, рост деревьев, разговор с любимой, рождение поэмы - то есть частная жизнь человека, труд поэта, вглядывание художника в природу, исповедь Ленинграду.

Быть может, и вся поэзия Юрия Магалифа, новосибирца не по рождению, а по судьбе - не что иное, как исповедь городу детства и юности, где когда-то давным-давно он впервые расправил крылья.

Исповедь же сюжетна по определению. Именно поэтому (и, конечно же, еще потому, что Магалиф был превосходным прозаиком, даже больше - сказочником) все его стихи сюжетны, а многие являют собой настоящие рассказы в стихах. Нередко они привязаны к конкретным датам, например, ко дню смерти Ленина, или ко дню собственного ареста, но привязки эти, по-видимому, предопределены требованиями времени, ведь, по слову Пастернака, художник - «вечности заложник у времени в плену». Сами по себе стихи легко могли бы обойтись и без них, как, например, маленькая поэма «Эстафета», написанная белым стихом, и вроде бы повествующая о дне смерти Ленина. Убери из него дату и пару строф про вдруг загудевшие заводы, - и останется точный, глубокий и трагический рассказ в стихах о детстве русского мальчика в эпоху глобального исторического перелома.

Повествовательных стихов у Магалифа много. Я бы сказал, почти все, даже те, где короткий рассказ как бы неожиданно возникает из картинки, проявляясь на глазах читателя, подобно фотографии:

СТАЯ

Шумно под осенним небосводом,
Кружит молодое воронье.
Говорят, они кричат к невзгодам
Глупости все это и вранье.
Ах, я понимаю эту стаю!
Мысленно, что ворон молодой,
Над землей ликующе взлетаю —
Над судьбой и, значит, над собой.
Там внизу корявые березы;
Там внизу — холодная река;
Там внизу — похожая на слезы,
Мутная, предзимняя тоска...
Но летит большая стая рядом —
Весело, напористо, легко;
Вместе с нею я лечу над садом,
Крылья распахнувши широко.
Мне отстать от стаи невозможно
Кружит, кружит дружная семья.
Эта жизнь устроена надежно —
До случайной дроби из ружья...

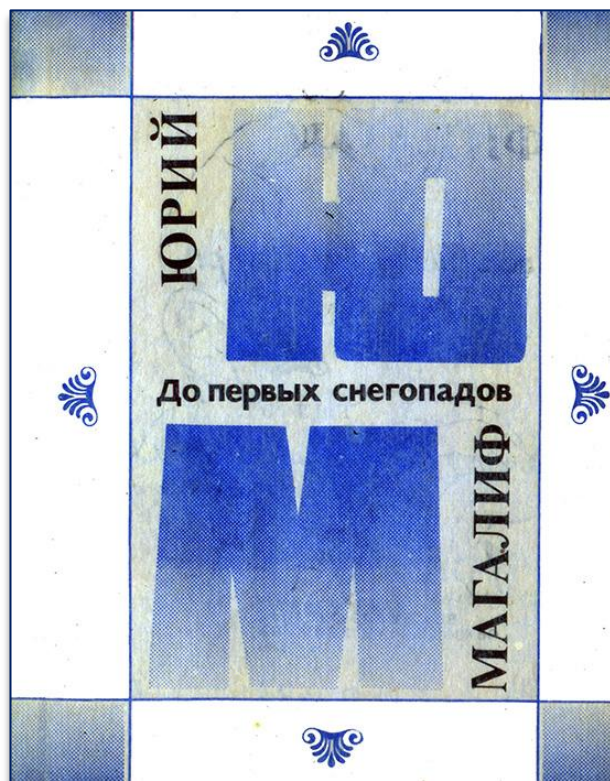
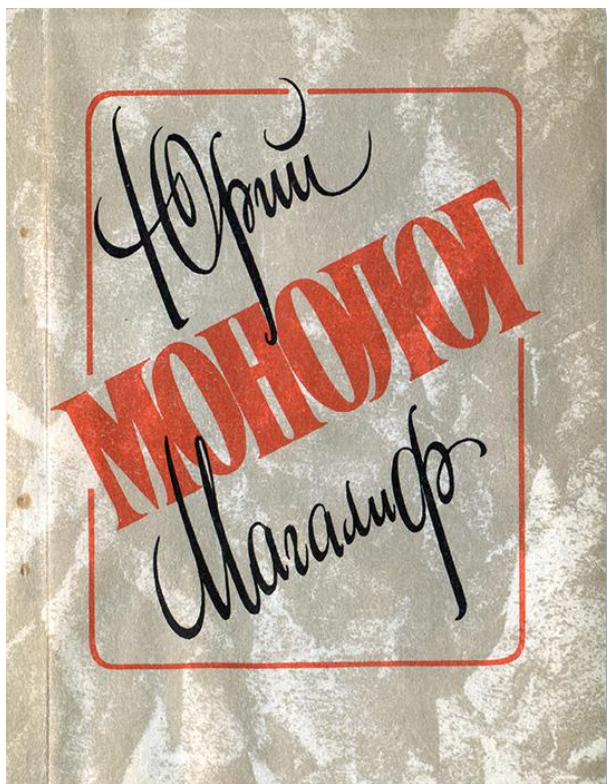
Как писал и пел Владимир Высоцкий: «Да это ж про меня! Про нас про всех, какие к черту волки?!»

Но все же, как правило, Магалиф не прибегал к иносказаниям и уже тем более не показывал властям кукиш в кармане, а высказывал правду честно и прямо - настолько, насколько мог. Даже в кондовые советские времена он умудрялся (а значит - не боялся) рассказать, пусть частично, ведь всю правду никакая цензура просто не пропустила бы и сегодня, но - правду о собственной трудной судьбе, о страданиях, выпавших на долю его матери, его самого, да и множества других ни в чем не повинных людей, чьи жизни были сломлены или загублены сталинской эпохой.

Но эти же люди, эти же страдальцы, если смогли выжить в лагерях, шли в смертный бой с фашистами, восстанавливали страну из послевоенной разрухи, создавали новую культуру: писали книги, снимали фильмы, строили города и ракеты. И те, кому выпадала «дальняя дистанция» судьбы, и те, чьи жизни прерывались на взлете.

О последних Юрий Магалиф написал немало замечательных стихотворений. Достаточно вспомнить лишь цикл, посвященный Юрию Кондратюку «Механик»: «Он убит под Москвою в сорок втором - / Ополченец-солдат Кондратюк...»

Исповедь созвучна памяти. Память - может быть, главная тема магалифовской поэзии: мать, знаменитая в русской культуре бабка его, цыганская певица Федосья Трофимовна, люди, с которыми сводила его судьба в ленинградской юности, в сибирском лагере, в частых поездках по Сибири и стране, Анна Андреевна Ахматова, чье личностное и поэтическое влияние на Юрия Магалифа неоценимо.

Да, и по возрасту и по кристальной ясности, точности стиха, естественной и намеренной негромкости голоса Юрий Магалиф, несомненно, принадлежал к плеяде военных поэтов - это подчеркнул в своем предисловии к первому избранному поэту, «Дальняя дистанция», Давид Самойлов. Но по неизбывному «ленинградству», «петербуржству» своему, Магалиф - несомненный последователь Ахматовой, поэт, конечно, меньшего масштаба, но чистого траги-лирического тембра. А его стихотворение «Ахматова в Париже» - лучшее подтверждение всему уже сказанному. Это и тонкая лирика, и сюжетный рассказ, и метрически, стилистически близкий по букве и духу к ахматовской трагической лирике реквием не только самой Анне Андреевне («А Вам суждено причаститься всерьез / Блокадного хлеба и царственных роз...»), но и той России,

которую мы потеряли и уже никогда не вернем, сколько бы еще революций и реставраций не пережили.

Ленинград, Ленинград... В моем детстве по радио часто исполнялась песня В. Соловьева-Седого и А. Чуркина: «Слушай, Ленинград, я тебе спою задушевную песню свою». Пел ее Марк Бернес, и пел так, как мог только он один. Поэзия Юрия Магалифа представляется мне именно такой задушевной песней Ленинграду, песней сибиряка по судьбе, в которой он и тоскует по родному городу и его культуре, и отчитывается перед ним во всем том, что делает вдали от родины. И, главное, вспоминает.

Таковы его лучшие, по-моему, стихи: «Воспоминание» - о встрече с Анной Андреевной у окошка коменданта «Шпалерной» тюрьмы, куда юный Юрий Михайлович пришел, чтобы узнать о судьбе матери, а великая Ахматова - справиться о судьбе сына, будущего знаменитого историка и географа Льва Николаевича Гумилева; и другое «Воспоминание» - о похоронах пушкиниста Якубовича, в котором вновь появляется Ахматова:

Что сидела неподвижно у дверей...
Горбонося,
С подстриженной челкою,
Перекинув
ногу на ногу углом -
Омраченная,
Она уже провидела
Затемнения
За этим белым днем.

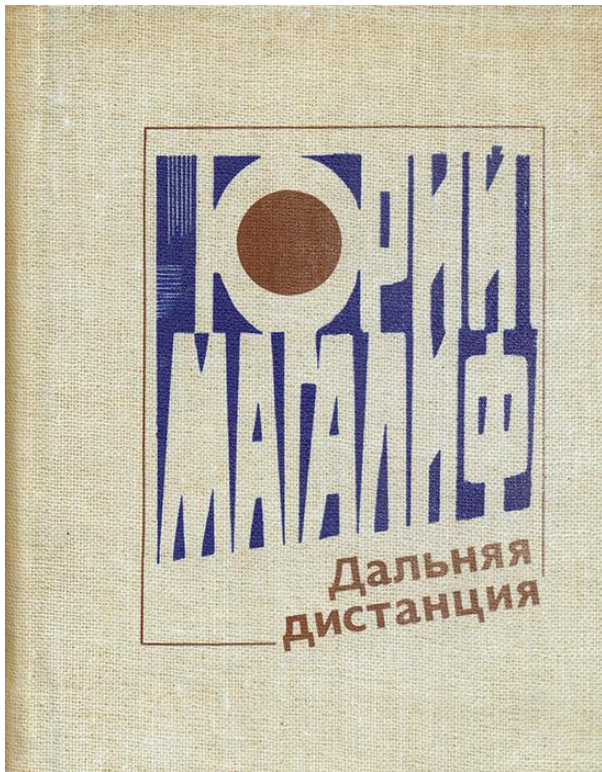
Или - стихотворение «Кинофильм», посвященное юным ленинградцам - исполнителям главных ролей в фильме 1937 года «Юность поэта» - о лицеистах Пушкине, Пущине, Кюхельбекере, Дельвиге. Замечательный, кстати сказать, фильм, нестареющий, как не стареет и никогда не состарится само лицейское братство первого выпуска.

Не могу не процитировать полностью этого стихотворения, почти идеального, если не считать излишней мелодраматичности предпоследней строфы:

Жаль, что сегодня уже не спросишь Юрия Михайловича, был ли он знаком лично с Валентином Литовским, Анатолием Мурузиным, Олегом Липкиным. Только представить себе, каким вдохновенным был бы его живой, артистический рассказ об этих замечательных ребятах!..

Поэзия Юрия Магалифа - чистый, незамерзающий родник в зимнем лесу. Так я определил бы ее одним словом. В прозе и даже в сказках у него случались неудачи. В поэзии - нет. Более того, с годами она становилась все строже и хрустальнее. И при этом не устремлялась, как дым, к небесам, как можно было бы подумать и как думают некоторые его читатели. Он, при всей возвышенности помыслов, невзирая на все выпавшие на его век печали, оставался земным, любящим, даже влюбленным, галантным, артистичным человеком, писателем и поэтом, укорененным и в ленинградской культуре, и в сибирской городской и деревенской жизни, как старый кедр в тогучинском лесу, а голос его оставался чистым и звонким, порой шутивным, как в посвящении Арнольда Кацу, порой по-юношески влюбленным, как в стихах к Тамаре Огневой, порой отчаянным до безысходности, как в стихах памяти любимой супруги - до конца, даже в самых поздних, философских, больничных, предсмертных строках:

С каждым годом моя борона
Эту землю все лучше равняет;
С каждым годом родная страна
Лучше сущность мою понимает.

Не хочу превращаться в звезду –
Пусть я в скошенном поле проглянусь, –
И отсюда вовек не уйду,
А исчезнув, все тут же останусь!..

«С каждым годом родная страна / Лучше сущность мою понимает» - это не старческий оптимизм. И не самообман под воздействием эйфории после получения премии Гарина-Михайловского. Это совсем другое. Это - ответ Маяковскому, его самым пессимистическим строкам:

Я хочу быть понят родной страной,
а не буду понят - что ж?!
По родной стране пройду стороной,
как проходит косой дождь.

Не правда ли, здесь звучит тот же самый голос Юрия Магалифа, за много лет до того написавшего, спевшего свою знаменитую «Песню» («Песню Лунина»)?

Один погас... Другой погас...

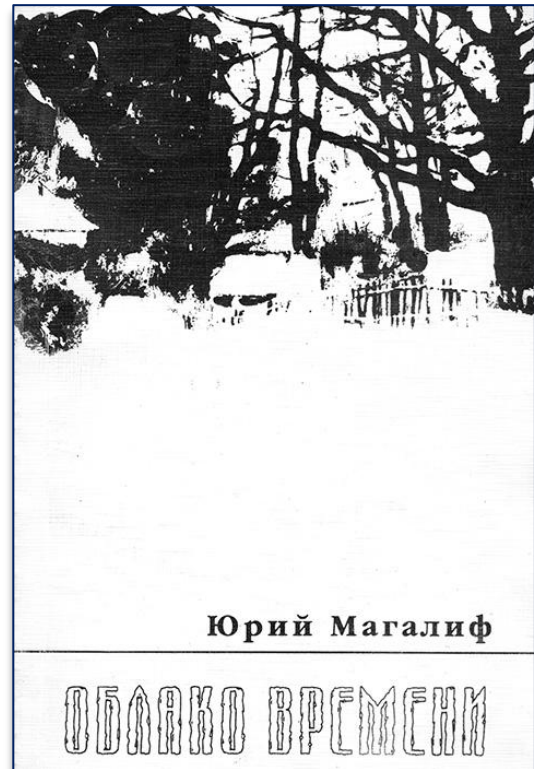
В паденье звезды угасают.
Все меньше остается нас...

.....

И скорый суд, и скорбный труд -
Нам есть что вспомнить, слава Богу!
Как тихо ангелы поют,
Как тихо ангелы поют,
Сопровождая нас в дорогу...

Если, согласно популярной некогда песне А. Экимяна и М. Танича, «Человек - это остров», то поэт - бездонный колодец, черпать из которого можно бесконечно, надо лишь дать себе труд читать и перечитывать книги - такие, как поэтические сборники избранных стихотворений Юрия Магалифа «Дальняя дистанция» (1988) и «Просто лирика» (1996), в которых собрано все лучшее, все самое главное, что написал поэт, ушедший из жизни 17 лет назад и остающийся с нами уже второе столетие.

Виктор Распопин

<http://raspopin.den-za-dnem.ru/>